

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Курс лекций, Л., 1949, 131 стр., 12 табл., цена 10 руб.

Рецензируемая новая книга Б. Б. Пиотровского является обработанным конспектом лекций по археологии Закавказья, прочитанных автором на историческом факультете ЛГУ им. А. А. Жданова. В этом курсе, состоящем из 15 лекций, Б. Б. Пиотровский поставил своей задачей на конкретном археологическом материале «выявить основную линию развития древнего общества Закавказья, показать значение истории Закавказья для истории народов СССР».

В результате крупных археологических работ в Закавказье за последние 20 лет советские археологи открыли многочисленные древние памятники, позволившие осветить не известные до того времени страницы прошлого народов Закавказья. В своем курсе Б. Б. Пиотровский изложил историю Закавказья, начиная с древнейших эпох существования там человека вплоть до I тысячелетия до н. э.

В первой лекции, посвященной изучению древнейшей культуры Закавказья, выделены два периода изучения археологии Кавказа — начальный, охвативший целое пятидесятилетие «интенсивного накопления материала, собирания археологических коллекций для музеев», и позднейший — «после установления в Закавказье советской власти и окончания гражданской войны, когда молодые республики Закавказья — Азербайджан, Армения и Грузия — встали на путь неуклонного роста». Материалы лекции показывают развитие археологии на Кавказе, начиная от первых раскопок мегалитика у с. Самтавро, близ Мцхета (положивших начало археологическому изучению Закавказья более 80 лет назад), вплоть до настоящего времени. Б. Б. Пиотровский правильно подчеркивает, что за последние годы советские археологи не только расширили наши фактические знания, но и перешли к качественно новому периоду исследований: «от музейного собирательства древностей археологии Закавказья... к исследованию памятников материальной культуры, как исторического источника».

В этой лекции следовало подвергнуть критическому рассмотрению вопросы, связанные с публикацией кавказских археологических материалов в дореволюционный период. Ведь хорошо известно, что к раскопкам на Кавказе допускалось в то время не мало случайных лиц, часто иностранного происхождения, которые затем из года в год печатали результаты своих раскопок в виде подробных отчетов (таковы отчеты Рёслера, Бёлька, Байерва) в немецких археологических журналах. В России же в отчетах Археологической комиссии появлялись лишь краткие выдержки из них. Известно, что музейные собрания Парижа и Берлина пополнялись находками с Кавказа.

Во второй лекции Б. Б. Пиотровский останавливается на характеристике эпохи палеолита. В ранний четвертичный период Закавказье представляло благоприятные условия для развития человеческого общества, и, как подчеркивает автор, «не случайным, повидному, является тот факт, что наиболее ранние следы человеческой культуры на территории СССР прослеживаются в Закавказье, в частности в Абхазии и Армении». Краткой, но обстоятельной сводкой впервые подытоживаются крупнейшие успехи в области изучения палеолита Закавказья, достигнутые советскими археологами за последние 10—15 лет. В результате этих исследований, пишет Б. Б. Пиотровский, «Кавказ, в частности Закавказье и восточный берег Черного моря, представляется нам одним из центров древнейшей человеческой культуры, связующим звеном палеолитических культур Средиземноморья с Северным Причерноморьем». Следует подчеркнуть тот факт, что еще совсем недавно было широко распространено мнение ученых о позднем заселении Кавказа человеком. Так, в 1926 г. в общем очерке по до-истории Закавказья нам приходилось писать, что, хотя ранние периоды каменного века не представлены совсем, все же не следует соглашаться в этом с мнением некоторых ученых, что каменный век совсем не имел места или существовал на Кавказе очень недолгое время, не оставив по себе сколько-нибудь значительных следов. Более вероятно, что отсутствие памятников ранних периодов на Кавказе следует отнести за счет пробелов в наших

знаниях¹. В настоящее время древнейший период истории человеческого общества в Закавказье выступает с достаточной полнотой, и «миф о позднем заселении Кавказа можно считать окончательно рассеянным».

В третьей лекции делается попытка дать сводку по неолиту Кавказа. Материалов, относящихся к этому времени, известно пока крайне недостаточно. Неолитические стоянки, открытые в Закавказье, в Западной Грузии, в Армении, на черноморском побережье, Б. Б. Пиотровский сопоставляет с неолитическими и начальной поры медного века памятниками на Северном Кавказе (Агубековское поселение, поселение и могильник у Нальчика). Эти материалы характеризуют общество того времени как находившееся на ступени матриархального рода; основой его хозяйства были охота и собирательство. В связи с этим утверждением интересны наблюдения над стратиграфией холма Шамирамалты (около Вана), где имеются материалы, указывающие на существование в позднелинитический период в Закавказье земледелия. Это дает основание Б. Б. Пиотровскому сделать заключение, что в Закавказье развитие культуры шло более интенсивными темпами и создало предпосылки для быстрого освоения металла и окончательного перехода общества от охотничье-собирательского хозяйства к земледелию и скотоводству.

Четвертая лекция охватывает культуру медного века с конца III тысячелетия до н. э., включая энеолитические поселения в Армении у с. Шенгавит, близ Еревана, у Шреш-Блур и Кюль-Тапа, около Эчмиадзина, и Эларское поселение в Котайском районе, стоянки древней Колхиды в Грузии, курганы с находками энеолитического времени из Нагорного Карабаха и др. Б. Б. Пиотровский с большой тщательностью подытоживает как все имеющиеся в литературе сведения, так и в большинстве своем неизданные археологические материалы, по энеолитической культуре Закавказья.

Б. Б. Пиотровский правильно отмечает, что памятники медного века Закавказья обнаруживают поразительное сходство с памятниками той же стадии развития общества на территории Передней Азии. Однако при всей близости они выявляют также и определенное своеобразие, что указывает на самостоятельность их развития. Все же не объяснена причина значительного отставания культур медного века в Закавказье, который датируется второй половиной III тысячелетия до н. э., а в соседних странах — в северном Иране, горной Туркмении, в Малой Азии (Анатолии) — началом III тысячелетия, тогда как в Южном Иране и в Месопотамии медный век наступил еще раньше, в конце IV тысячелетия до н. э.

Пятая лекция включает археологические памятники Закавказья второй половины II тысячелетия до н. э. В это время складывается культура раннего периода эпохи бронзы. Наряду с ростом скотоводства наблюдается постепенная дифференциация племен; у отдельных богатых скотом племен богатства накапливаются и становятся средством обмена, что приводит к укреплению связей со странами Передней Азии. В курганных погребениях этого времени (могильники у Тазакенда, Зурнабада и др.) типичной является красная керамика с черной росписью. Аналогичная керамика была найдена при раскопках крепости Муханнат-тапа около Еревана, причем она залегала в слое выше предметов медного века первой половины II тысячелетия до н. э. и ниже слоя урартского периода вместе с обломками черных лощеных энеолитических сосудов эларского типа.

Аналогичная керамика с росписью обнаружена и в богатых курганах, раскопанных Б. А. Куфтиным в Триалети, в Цалкишском районе в Грузии. Б. Б. Пиотровский считает, что погребения в курганах Триалети принадлежат вождям богатого скотоводческого племени, тогда как погребения у Тазакенда, Зурнабада и др. представляют собой рядовые могильники того же периода. Это замечание важно и интересно. С первых лет открытий, сделанных Б. А. Куфтиным в Триалети, несмотря на совершенную уникаль-

¹ См. Т. С. Пассек и Б. А. Латыпи, Очерк до-истории Северного Азербайджана, ИООИА, 1926, № 3, Баку.

ность его находок, казалось необходимым уделить большее внимание установлению взаимосвязей вновь открытой им культуры с ранее известными памятниками Куро-Араксинского двуречья. В связи с этим особенно важны новые раскопки Б. Б. Пиотровского в 1948 г. в Киранакане, где обнаружено богатое погребение с расписной керамикой, золотыми и серебряными сосудами, бронзовыми предметами вооружения, аналогичными триалетскому комплексу находок.

Здесь же в этой лекции касается Б. Б. Пиотровский и спорного для Закавказья вопроса о датировке Кизил-Вапского могильника, в котором обнаружена расписная керамика различных типов. Вполне соглашаясь с основной датой, выдвинутой Б. Б. Пиотровским для Кизил-Ванка I и II (вторая половина II тысячелетия—начало I тысячелетия до н. э.), следует, как мне думается, подчеркнуть, что эта культура крашеной керамики Закавказья в дальнейшем развивается на протяжении всего I тысячелетия до н. э., доживая до первых веков н. э. Правда, далеко еще не все этапы ее развития известны и могут быть охарактеризованы, однако исследованные памятники типа Ялойлу-Тапа — Алазань — Мингечаур — Джафархан показывают, что в восточном Закавказье, в долине Алазани и Куро-Араксинского двуречья продолжает развиваться земледельческая культура крашеной керамики, уходившая своими корнями во II тысячелетие до н. э. На этой основе в половине I тысячелетия до н. э. складываются здесь новые объединения земледельческих племен, возможно, оставившие многочисленные городища и древние оросительные каналы в Мильской и Муганской степи.

Последующие лекции (шестую — одиннадцатую) Б. Б. Пиотровский посвящает культуре эпохи бронзы, т. е. X—VIII вв. до н. э. Могильники бронзового века еще совсем недавно, лет 20 назад, когда не были известны памятники предшествующих периодов, считались древнейшими для Закавказья. По существовавшим тогда теориям, зарождение культуры бронзы происходило не на Кавказе, а где-то на Востоке (теория Вирхова, Шаптра, Моргана, Мортилье, Монтелиуса). По мнению других (Гернес, Вильке), бронзовые изделия проникали на Кавказ из Западной Европы. Проведенные обследования древних могильников в богатых медиорудных районах Закавказья, где имеется наряду с медной рудой и олово и сурьма, показали, что металлургия Кавказа была в значительной степени самостоятельна и теснейшим образом связана с Переднеазиатской.

Б. Б. Пиотровский выделяет основные районы, связанные с закавказской металлургией, и указывает, что эти районы характеризуются также и определенными формами бронзовых изделий; далее подробно перечисляются древние памятники разных районов. Вместе с тем Б. Б. Пиотровский как бы намеренно не выявляет своеобразия культуры в каждом районе, не указывает границ распространения отдельных культур, например, Колхидской или Кубанской и др. Своеобразие отдельных культур, определившееся в I тысячелетии до н. э., на Кавказе, соответствует определенным племенным объединениям древнейшего Закавказья, и мне думается, что для понимания исторической обстановки, которая сложилась в этот период разложения доклассового общества, необходима большая детализация намечающихся археологических культур с выделением основных их признаков.

Для одного из районов — Ходжалинского — Б. Б. Пиотровский выделил ряд особенностей. Так, в курганных погребениях постоянно обнаруживается большое количество золотых изделий переднеазиатского происхождения. Племена эти вели систематический обмен с урартами или с племенами к югу от Аракса. В одном из ходжалинских курганов была сделана находка агатовой (сардониксовой) пронизки в виде бутона цветка с клинообразной надписью, содержащей имя ассирийского царя Адад-пирари. Можно указать еще, что именно в ходжалинских курганах обнаружены поливные керамические изделия, шедшие, видимо, также из Ассирии.

Особые лекции Б. Б. Пиотровский специально посвящает характеристике памятников культуры, хозяйства, ремесла и религии эпохи бронзы. Так, в девятой лекции, стремясь выявить основные черты хозяйства первой половины I тысячелетия до н. э., автор показывает на различных примерах сочетание земледелия с полукочевым скотоводством. «Использование горных пастбищ представляло в условиях того

времени неограниченные возможности для роста скотоводства. Скот стал основным богатством первобытных общин, предметом накопления и обмена. Территориальная близость горных пастбищ и мест разработки медных руд, на которых было основано местное ремесло, создавала, при сравнительно еще неразвитом обмене, благоприятные условия для развития культур племен, живших в горных районах Кавказа, которые в эпоху бронзы приобрели значение «ведущих районов» (стр. 78).

В д е с я т о й лекции Б. Б. Пиотровский подробно останавливается на развитии в обработке металла. В начале I тысячелетия до н. э. в Закавказье имелись местные изделия из высококачественной бронзы, из меди и олова. Отливка предметов происходила как в каменных разъемных формах, так и по восковой модели. Бронзовые предметы постоянно украшались деревянной инкрустацией (ажурные наперстки княжатлов), а также чекалкой и гравировкой.

Очень интересно ставится вопрос о культуре и религии эпохи бронзы. Так, в о д н а д ц а т о й лекции, изучая древние могильные сооружения: курганы, каменные ящики и находимый в них инвентарь, Б. Б. Пиотровский анализирует погребальные обычаи и верования в загробную жизнь. Многочисленные изображения, вырезанные на черной керамике и заполненные белой массой, позволяют рассматривать их как сцены магического заклинания животных. Наряду с этим прослеживается культ неба и солнца. (символические изображения на бронзовых поясах, бронзовые прорезные диски, подвески в форме птиц и т. п.). В заключение Б. Б. Пиотровский приходит к выводу, что «в своей основе религия восточного Закавказья начиная с I тысячелетия до н. э. была теснейшим образом связана с охотой. Но наряду с этим в жизни Закавказья большое значение имели космические культы, оказавшие существенное влияние и на развитие древней охотничьей религии, причем в зооморфных образцах часто выражались космические представления. Символика и отдельные амулеты, как, например, подвески в форме прорезных дисков, свидетельствуют о большом значении культа солнца, который становится одним из основных культов» (стр. 27).

Д в е н а д ц а т а я и т р и н а д ц а т а я лекции включают большой и разнообразный материал, освещающий историю и культуру Урарту в Закавказье. Привлекая урартские и ассирийские клинописные тексты, автор освещает исторические события, происходившие на протяжении нескольких столетий (IX—VI вв. до н. э.) в странах древнего Закавказья, ставших частью Ванского царства, и отмечает, что влияние урартской культуры имело значение для истории всего Закавказья в целом. Блестящей иллюстрацией взаимоотношений племен южного Закавказья с Урартским государством в VII в. до н. э. являются раскопки автора на холме Кармир-Блур.

Скифы Северного Кавказа, получавшие в начале VII в. до н. э. через Закавказье железо, как показывают раскопки на Кармир-Блуре, были связаны с урартскими центрами. Здесь найдены копские железные удила с костяными скифскими насаждениями, бронзовые трехгранные наконечники стрел скифского типа и т. п.

Находки каменных цилиндрических печатей, сердоликовых и агатовых бус ассирийского происхождения указывают на связи этого урартского центра со странами древнего Востока, найденные золотые серьги VIII—VI вв. до н. э. свидетельствуют о связях со Средиземноморьем. В раскопках обнаружены обломки глиняных табличек, покрытых клинописью, свидетельствующих, что в Тейшебаини был свой архив. Случайная находка небольшой печати-буллы из битума указывает на существование второго архива, где хранились папирусные свитки.

Особо выделяет Б. Б. Пиотровский в ч е т ы р н а д ц а т о й лекции вопросы, связанные с культурой периода освоения железа (вторая четверть I тысячелетия до н. э.).

В это время (конец VII в. до н. э.) в материальном производстве происходит быстрая замена бронзовых изделий железными. Горные районы, связанные с меднорудными областями, перестают быть ведущими; включение южных областей Закавказья в состав Ванского царства еще теснее связывает Кавказ с древневосточными государствами Передней Азии. Ведущими центрами становятся постепенно степные районы и долины рек. Анализируя памятники этого периода, Б. Б. Пиотровский приходит к интереснейшему выводу, что «обширные территории оказываются в это время населенными пле-

менами, стоящими на одинаковой ступени общественного и культурного развития. Этот процесс, наблюдаемый как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, создает предпосылки для срастания племен, входивших в союзы, в нечто целое, предпосылки для образования народов, связанных общим языком и общей культурой. Закавказье стало переживать новую стадию развития ...» (стр. 115). Несмотря на то, что начинают разрабатываться местные месторождения железа, формы ранних железных изделий указывают на теснейшие связи с урартской, иранской и скифской культурами.

П я т а д ц а т а я, заключительная лекция «Скифы в Закавказье» посвящена чрезвычайно интересному и сложному вопросу о вторжении киммеров и скифов в Переднюю Азию и о путях, которыми двигались скифы в Закавказье. «Именно в это время (VIII—VII вв. до н. э.) наблюдается,— пишет автор,— интенсивное возвышение отдельных стран Передней Азии, главным образом на территории древневосточного мира, начавших решительную борьбу с крупнейшими государствами, в состав которых они входили или у которых они находились в подчинении. Глубоким внутренним кризисом, распадом древневосточных государств объясняется не только сама возможность вторжения в Переднюю Азию кочевников с севера, но и поразительно быстрый их успех в борьбе с могучими по внешнему виду древними государствами» (стр. 122).

При раскопках многих городов Передней Азии в слоях VII—VI вв. до н. э. были найдены бронзовые наконечники стрел, по форме совпадающие со скифскими. Эти стрелы связаны с проникновением в VII в. до н. э. киммеров и скифов в Переднюю Азию. На урартских городищах и крепостях собрано большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа. На холме Кармир-Блур, как известно, наконечники стрел скифского типа принадлежали врагам, разрушившим крепость в начале VI в. до н. э. До начала VI в. до н. э. прослеживаются связи Закавказья со скифами Западного Причерноморья.

В заключение Б. Б. Пиотровский останавливается на понятии термина «скифы», понимая под этим термином народы, близкие друг к другу по культуре. Археологическое изучение степей Восточной Европы и Азии выявляет характерные черты скифской стадии развития общества.

Следует указать, что каждая лекция курса всегда включает интересные исторические обобщения. В конце указывается специальная литература. К книге приложено 12 таблиц, иллюстрирующих основные разделы лекций. Следовало бы дополнить их еще картами, дающими ясное представление о местоположении того или другого памятника.

Курс лекций Б. Б. Пиотровского, безусловно, является не только ценным учебным пособием, но и интересной книгой по археологии Закавказья. На основе археологических материалов из раскопок в Армении, Грузии и Азербайджане автору удалось показать историю развития древнего общества в Закавказье, осветить целые разделы древней истории и культуры народов Кавказа, указать на результаты больших раскопок, проводившихся за последние 25 лет. Археологические материалы, использованные автором как исторические источники, еще раз подтверждают, что советские археологи не только осуществляют успешные раскопки, обогащающие науку новыми открытиями, но и, на основе применения марксистско-ленинской теории, ставят и разрешают крупные исторические проблемы.

Проф. Т. С. Пассек